

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации В.А. Казанцевой на тему «Образ Японии в русской языковой картине мира», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык (Липецк, 2021 год, 160 с.)

Лингвистическая имагология нацелена сейчас на исследование сложившихся стереотипов в восприятии чужих народов и культур, и в этом плане наблюдения над стереотипом Японии и японцев особенно актуальны. Дело в том, что японцам в прошлые годы не разрешалось покидать родную страну, а значит, образ Японии автоматически становился сказочным, едва ли не волшебным. В результате проведенного диссертантом исследования была подтверждена гипотеза, что образ Японии как крайне обобщенный и мифологизированный отличается наличием стереотипов: «страна восходящего солнца и сакуры», «страна гейш и самураев», «страна восточных единоборств», «страна рыбы», «страна высоких технологий». Все это в диссертации было выявлено на основе континентальных, экстралингвистических и экспериментальных данных. Рассмотрим по порядку.

В начале работы автор раздирается в таких понятиях, как антропоцентризм, языковая картина мира, стереотип, имидж, образ. В отношении стереотипов подчеркнута главное: *«К другим характеристикам стереотипа относится их неэластичность, т.е. сопротивляемость изменениям и их повторяемость на протяжении длительного времени, иногда нескольких поколений»* (стр.32). Знание стереотипов необходимо для смягчения напряженности национальных противоречий. Это действительно так, и это проводится в дальнейшем по всей диссертации. Точно так же нужно было определиться с понятием образа. *«Такая имаготипическая структура, как образ, в данном разделе диссертации будет рассмотрен как категория поэтологическая, т.е. в нашем внимании будут находиться те образы, которые создаются литературой, искусством слова»* (стр.39-40). Вся первая глава работы – это лингвистическое (подчеркнем это!) обоснование темы, без которого трудно представить все дальнейшее изложение. И сделано это в диссертации В.А. Казанцевой качественно. Мы не будем сейчас останавливаться на определениях языковой картины мира, антропоцентризма, но автору диссертации этот обзор был крайне необходим.

Образ Японии в сознании русского человека, подчеркивает В.А. Казанцева, начинается с анализа японизмов. В диссертации отмечается,

что в настоящее время расширено понятие японизма, им пользуются не только при описании искусства, культуры, спорта, но и при описании быта, экономики, бизнеса. Автор насчитывает всего 23 японизма по данным словаря Л.С. Крысина, а всего было взято 38 японизмов и выделены шесть групп для дальнейшего анализа их состава.

Работа восхищает своей полноценной конкретностью. Так, автор диссертации не согласен, что слово «нунчаки» есть производное от цепа, нет, здесь просматривается, пишет В.А. Казанцева, связь с удилами – частью конской упряжки. В группе «Культура» автор оспаривает также использование слова «кимono» в двух новых значениях: как особый покрой рукава и как спортивная одежда, однако в словарях это последнее значение не фиксируется. Диссертант добавляет свои наблюдения к общеизвестным фактам и делает это на основе проведенных наблюдений. Например, по отношению к слову «иваси» идет оспаривание привычной этимологической точки зрения. Распространение других кулинарных блюд (васаби, сашими, ролл, суши) свидетельствует о новом витке кулинарных заимствований из японского языка, заимствований, наиболее характерных для современной эпохи. Приведено огромное количество фрагментов из газет на употребление слова «суши». Не обошлось здесь и без «саке» – японской рисовой водки. *Хаси* – палочки, с помощью которых кушают.

В диссертации отмечены, что очень важно, и некоторые тенденции в развитии японизмов, например: *«Однако фиксация данного варваризма в лексикографическом источнике может обозначать тенденцию к вытеснению им русского названия, причиной чего является более экзотичное и колоритное звучание варваризма в речи носителей русского языка»* (стр. 58). То есть образ Японии, говорится в диссертации, не есть нечто застывшее, он меняется, он динамичен, и это отмечается в работе. *Самураи, ниндзя, камикадзе* – все эти слова влияют на образ Японии, и им в работе посвящено отдельное исследование. *Камикадзе*: «Второе, дополнительное значение в русском языке эта лексема получила в связи с распространением мирового терроризма во всем мире, в том числе и в России» (стр. 61) (здесь сделано весьма важное наблюдение над употреблением японизма «камикадзе»). Вот еще цитата: *«В текстах современных литературных произведений также можно проследить тенденцию к утрате связи лексического содержания лексемы банзай и ее употреблению в качестве символа Японии...»* (стр. 62).

Такие замечания о тенденциях в употреблении слов в диссертации встречаются часто, что говорит о стремлении автора осветить сегодняшний день страны, актуальную значимость наблюдаемых явлений. Вывод, однако,

при этом делается честный. Проведенные наблюдения подтверждают «предположения о том, что образ Японии в языковом сознании носителей русского языка имеет достаточно фрагментарный характер и больше основывается на предположениях, нежели на реальных представлениях носителей русского языка об этой стране» (стр. 64).

Казалось бы, дальше естественно идет анализ фразеологизмов, но обусловлен он, подчеркивает В.А. Казанцева, еще и своеобразной модой на экзотику. Автор пытается ответить на вопрос: с чем ассоциируется употребление этнонимов *японский*, *японская* в речи? Показательно, что фразеологизмы «Япона мама», «Японский бог» и им подобные – это эвфемизмы междометий, выражающих различные чувства. Здесь произошло соединение двух «вещей»: русско-японской войны и... табуированной лексики.

Интересно читать о японском городском, о ранении будущего императора Николая II, о расследовании этого дела. И здесь же наблюдается опять-таки тенденция, связанная с развитием ресторанного бизнеса: «Япона мама» (название ресторанов) и – увеличение прибыли. Автор диссертации показывает, что образ Японии весьма активно входит сейчас в рядовую жизнь русских людей.

И в этой главе, и вообще в диссертации есть немало ссылок на статьи В.А. Казанцевой, что свидетельствует о длительной работе над темой и о результатах, уже полученных и апробированных, это является знаком самостоятельности работы. Хотя надо отметить и ту огромную школу научно-исследовательского поиска, которую диссертант приобрела, общаясь со своим научным руководителем – доктором филологических наук, профессором Е.А. Поповой.

Разумеется, образ Японии в сознании русского человека невозможно хорошо представить без проведения ассоциативного эксперимента, результаты которого даны в третьем параграфе второй главы. Сначала идут результаты по «Русскому ассоциативному словарю», где подробно разбирается каждое включение. Но нам интереснее проследить результаты по следующему параграфу, в котором раскрывается направленный ассоциативный эксперимент. Остановимся на нем несколько подробнее.

Большинство ассоциатов принадлежит к числу мелиоративных, положительных. Цветущая 28, развитая 17, высокотехнологичная 17, красивая 17, солнечная 16, богатая 15, инновационная 10, продвинутая 10 и так далее... (стр.86), тогда как пейротивность, отрицательность ассоциаций, подчеркнем, очень низка. В список пейоративных ассоциаций однозначно входит только реакция *опасная*.

Таким образом, анализ психолингвистического значения лексемы Япония в русском лингвокультурном сознании позволяет утверждать, что образ этой страны нашими современниками воспринимается неоднозначно. В ее современном образе совмещены традиционализм и абсолютно новый, появившийся лишь в середине прошлого столетия взгляд на Японию как на современную высокотехнологичную страну (стр.87).

А что дал направленный ассоциативный эксперимент по трактовке слова «японец»?

– Характеристики внешности: маленький, узкоглазый, узкие глаза, темноволосый, невысокий, красивый, низкого роста, мелкий.

– Характеристики качеств характера: трудолюбивый 29, умный 26, хитрый 16, добрый 8, стрессоустойчивый 8, дисциплинированный 5, толерантный 5, быстрый 5, улыбчивый 4, культурный 4, развивающийся 4, своеобразный 3, следующий традициям 3, приветливый 2, старательный 2, мудрый 2, смелый 2, 6, агрессивный 2, странный 2, низкого роста 2, сдержанный 2, патриотичный 2, ответственный 2, забавный 2, точный 2, коммуникабельный 2, строгий 2, улыбающийся 2, интересный 2, дружелюбный 2, с традицией по жизни 2.

– Образ этнического представителя: анимэ, отаку, самурай.

Мы намеренно привели эти сведения, чтобы показать, каким является японец в восприятии русского человека, насколько это положительный, позитивный герой. И хотя альтернатива «свой – чужой» действует, конечно же, но и влияние хороших сторон этого образа ощутимо велико. И в этом видится еще одно направление актуальности и новизны исследования: знать стереотипы чужого свойства, чтобы немного меняться самому.

Итак, в современном образе Японии совмещены такие компоненты, как традиционализм и технократизм. Образ японца в современном языковом сознании носителя русского языка воспринимается достаточно позитивно. Это свидетельствует о постепенном стирании стереотипа агрессивного противника, актуального для сознания русских начала XX столетия.

Тексты XIX–XX веков раскрывают образ Японии весьма красноречиво. Еще бы, ведь реальных контактов, можно сказать, не было! Первое упоминание о Японии относится к 1807 году. Автор диссертации анализирует листки, как добраться до сказочного Беловодья, то есть до Японии. «Жизнь в Беловодье ведется правильная, без преступлений...».

«Отдаленное государство», «сокровенное» – эти определения, как показывает В.А. Казанцева в своей работе, как раз и способствуют рождению мифа о Японии. *Мечта, узор, сон* – таково семантическое наполнение образа Японии у русских людей, пишет В.А. Казанцева (стр. 97). Николай Японский

отождествлял страну с *невестой Христовой*, думая о православии, которое он хотел делегировать Японии. Япония как страна чудесная, загадочная и необычная предстает в его описаниях. А в начале XX века появилась даже мода на японские украшения.

Автор понимает всю диалектику отношения к Японии, приводя мысль о том, что при изображении Японии действовали две семантические группы слов: названия объектов (вишня, солнце, бамбуковая роща) и названия собственно японские, экзотизмы, японизмы (самурай, кимоно, бонса, гонг). Это все отражалось в стихах. Но здесь же важно и другое. Со второй половины XX века Японию стали признавать как высокоразвитую индустриальную державу. Припоминается нам цитата из журнала «Наука и жизнь» об одной из причин такого опережения: «Япония – самая книжная страна в мире. Всё книжное производство в мире исчисляется в 150000 книг в год, а на долю Японии из них приходится 27 %. Преобладают политические и статистические издания» (Наука и жизнь. 2013. № 12. С. 67), рубрика «Сто лет назад».

И получается, как пишет В.А. Казанцева, странное совмещение образов: экзотической страны и страны самых передовых технологий, отсюда и прием антитезы при описании японцев. Как образ Японии В.А. Казанцева вывела парадоксальное сочетание экзотизма с технократизмом, и это, отметим, существенное понимание современной Японии.

Однако нельзя не сказать и о русско-японской войне, а значит, об образе Японии как врага России, что отзывается до настоящего времени. Здесь анализируются рассказы А. Андреева, А. Куприна, А. Новикова-Прибоя. Здесь появляется бранное обозначение японцев как макак, и это закрепляется в живой речи.

В своем фонде семейных родословных мы находим такую запись: «Через несколько дней вся семья была объявлена «врагами народа», погружена в товарные вагоны и сослана в Казахстан на вечное поселение. Это был 1937 год. По прибытии на «новое место жительства» в город Караганду всем были выданы справки с выдуманными именами, датами рождения и со штампом красного цвета «японский шпион» (Н.Х.).

И В.А. Казанцева говорит о японском шпионаже – мысль, весьма распространившаяся в России в начале XX века. Автор диссертации справедливо пишет, что война, окончившаяся в 1945 году, не возымела такого отношения к японцам, однако надо обратиться и к песенному творчеству: «Варяг», «По долинам и по взгорьям» и «Три танкиста». *«И летели наземь самураи Под напором стали и огня»*. Кстати, В.А. Казанцева справедливо фиксирует ослабление негативного значения в слове «самурай»

к концу XX века, то есть коннотации слов подвержены изменениям, и в 70-х годах пропагандистские штампы изменились. Все это хорошо прослеживается в работе.

Анализируя особенности восприятия коммуникативного поведения японцев, В.А. Казанцева исходит из определения, что такое коммуникативное поведение, как оно связано с коммуникативным сознанием. Эти вопросы были освещены в свое время И.А. Стерниным. Исследовать этот аспект и сейчас было непросто. Носители русского языка всегда отталкиваются от собственной культуры и переносят ее на незнакомую культуру японцев. Более того, подчеркивает автор диссертации, существенное влияние оказывают чрезмерная кодировка, завуалированность и труднодоступная для иностранцев информационная составляющая у японцев. Действительно, нужно быть японцем, чтобы понимать ту множественность трактовок, и об этом пишет В.А. Казанцева в своей статье «Коммуникативное поведение японцев глазами И.А. Гончарова».

Здесь важно понять еще одну особенность ритуала. В.А. Казанцева считает, что «свой устный язык японцы довели до уровня абстрактного искусства. Вежливость речи у японцев ценится выше ее доходчивости, нюансы этикета важнее тонкостей синтаксиса и грамматики». Так было написано в статье 2017-го года, и это нашло отражение в тексте диссертации.

Особого внимания здесь следует отвести церемониям, автор привлекает из различных словарей определение церемоний и пишет о том, что фразеологизм «китайские церемонии» по существу относится и к японцам.

Компромисс... Отношение нас, русских к компромиссу скорее отрицательное, нежели положительное, но для понимания японской культуры компромиссы чрезвычайно важны. Интересно в диссертации рассматривается разговор с японцем у Б. Акунина в романе, когда чрезмерная вежливость расценивается как издевательство. В результате наблюдений В.А. Казанцева пишет, что чрезмерная вежливость и излишняя нормированность японцев расценивается русскими людьми как формализм и неискренность.

Обращает на себя внимание большое количество источников исследования. В библиографический список включено 51 произведение, и здесь известные тексты: Гончаров, Чехов, Вересаев, Овчинников – сочетаются с менее известными текстами. Это Лоти, Моторов, Мунипов и другие, выдержанные в электронной версии, что придает значимость наблюдениям автора. Слова у японцев заменяются символами и ритуалами, а это весьма ценное наблюдение диссертанта. Широко используется в работе и НКРЯ – национальный корпус русского языка.

Диссертация написана хорошим языком, она легко читается, что сейчас становится актуальным для гуманитарных наук и что, безусловно способствует внедрению результатов исследования. Они будут интересны ученым из Пятигорска, Орла, Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова – всем, кто занимается этнолингвистикой.

Отдавая должное глубине, добросовестности и самостоятельности анализа, отметим и некоторые недостатки работы, которые, однако, могут быть устранены, если диссертант согласится с нашим мнением.

1. Формулировка актуальности исследования может быть более глубокой. Так как на страницах своей работы Вы неоднократно показывали изменения в стереотипах, то актуальность исследования может быть связана с необходимостью учета этих тенденций в культурной, профессиональной международной деятельности. См. формулировку седьмой задачи: установить динамику формирования и изменений образа Японии в русском языке.

2. Мы намеренно привели в отзыве результаты ассоциативного эксперимента относительно слова «японец»: трудолюбивый, умный, стрессоустойчивый, улыбчивый... А отрицательных характеристик всего-навсего две. Полагаем, что это надо было отразить в Положениях, вынесенных на защиту. Там преобладают негативные примеры-характеристики.

3. У Вас много источников в работе, и они разные, что хорошо, и мы не вправе, казалось бы, советовать о еще одном источнике материалов, а именно о многосерийных документальных фильмах В. Познера о Японии и многосерийных документальных фильмах Дмитрия Комарова тоже о Японии. Но в этих фильмах показаны такие качества японцев, как трудолюбие (каждый год большое количество умирает из-за плотного графика работы), одиночество (большое число суицидов в Японии), ответственность (никто не покинул страну после трагедии на атомной электростанции), загадочность (это свойство до сих пор характеризует японцев). То есть Вы в перспективе можете расширить базу источников и выявить новые стереотипы.

4. Из более мелких замечаний: на стр. 25 проскочило «он понимает» вместо «ученый или И.А. Стернин», на стр.27 «по ее мнению, вместо «по мнению В.А. Масловой». Исправьте опечатки, огрехи на стр. 6, 24, 43, 69, 92, 115, 128.

Высказанные замечания носят технический и рекомендательный характер и не влияют на общую, безусловно, положительную оценку работы.

Диссертация В.А. Казанцевой вносит серьезный вклад в развитие лингвистической имагологии, а что касается практического использования, то, конечно, эти данные, помимо вузовского преподавания и лексикографии, окажутся полезными при разработке сценариев общения с представителями японской нации, а значит, повлияют и на восприятие традиционных стереотипов в более приемлемом, позитивном ключе. Диссертация отвечает паспорту специальности 10.02.01 – русский язык. Это исследование является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей значение для соответствующей отрасли (филологические науки).

Автореферат и опубликованные работы отражают основное содержание диссертации.

Диссертация В.А. Казанцевой «Образ Японии в русской языковой картине мира» полностью отвечает критериям «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а его автор В.А. Казанцева, безусловно, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

В.К.

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка и русской литературы
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»
В.К. Харченко.

Харченко Вера Константиновна;
308015, Белгород, ул. Победы, 85,
НИУ «БелГУ», кафедра русского языка и русской литературы.
Тел.: 8-4722-30-18-24; 308000, Белгород, ул. 50-летия Белгородской области,
дом 6, кв.19. 8-4722-32-23-74; wera_kharchenko@mail.ru; 8-920-200-32-21

